

«НА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО — ВЕЛИКОЕ СЛОВО» (о русском дискурсе — советском и постсоветском)

В статье рассматриваются особенности русского дискурса советской эпохи, в котором, наряду с официальной его разновидностью, бытовали явления антитоталитарного языка, а также активные процессы, происходящие в русском языке на сломе эпох, связанные с десоветизацией словаря, его новой идеологизацией и поиском средств выражения для заполнения смысловых лакун.

Уровень речевой культуры россиян в настоящее время вызывает тревогу у гуманитарной интеллигенции. Как образно сказал В. Г. Костомаров: «Привычный нам лик литературного языка меняется более или менее существенно. Если угодно, на нем появились морщины — не от старости, а от небрежения гигиеной» [Костомаров 1999:285-286]. Корни этих изменений, как видится, кроются в нашем недавнем прошлом. XX век оставил нам в наследство, с одной стороны, язык советской пропаганды, *Lingue Sovetica*, а с другой — лингвистический «беспредел» первых лет «свободы и гласности».

Какое воздействие оказал на русский язык «советский способ оперирования с языком»? Что же получилось в русском языке за десятилетия советского строя? Чем характеризовался советский вариант его? Какие процессы происходили и происходят в языке на сломе эпох? Каким образом совершается смена дискурсов? Вот круг вопросов, на которые нам предстоит ответить в статье.

Особенности языка советской эпохи — одна из самых популярных тем, активно разрабатываемых и обсуждаемых русистами в течение нескольких последних лет. Внимание исследователей сосредоточивается, в основном, на пропагандистских клише, служивших для внедрения в сознание носителей языка идеологических стереотипов. Совокупность этих клише и приемов их употребления именуется по-разному: «язык тоталитарного общества», «советский язык», «деревянный язык», «тоталитарный язык», «ложный язык», «казенный язык», «канцелярит» (по К. Чуковскому), «русский советский язык», «ритуальный язык», «новояз» и т. д.

Однако далеко не все специалисты склонны квалифицировать рассматриваемое явление именно как язык — в лингвистическом понимании этого термина. Например, Э. И. Хан-Пира полагает, что, без «своей фонетической и грамматической системы, это явление не может быть названо языком. Это лексико-семантическая система, социолект, классовый жаргон» [Хан-Пира 1994:16-17]. Е. А. Земская соглашается с предложенным М. Гловиньским (анализировавшим польскую языковую ситуацию) термином «квазиязык» [Земская 1996:24]. Мы же предпочитаем термин «дискурс», впервые употребленный применительно к языку советской эпохи франко-швейцарским лингвистом П. Серио в ставшем уже классическим исследовании «Analyse du discours politique soviétique» [Sériot 1985]. Ю. С. Степанов разъясняет это явление так: «... д и с к у р с — это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и в конечном счете особую грамматику и особые правила лексики» [Степанов 1995:38-39].

Характерной чертой советского политического дискурса является искажение индивидуального и общественного сознания путем внедрения «ложных» слов, «слов-призраков» или, по выражению С. Г. Кара-Мурзы, «слов-амеб» [Кара-Мурза 2001:117]. Известно, что построение языковой картины мира (или ее коррекция) может происходить с помощью интенсивного использования слов и фразеологизмов, которые, формируя фон, одновременно являются (или становятся) ключевыми; употребление их с нарастающей частотностью заметно влияет на мировосприятие и мировоззрение носителей языка. «Словом порождается миф – мифологизация сознания моделирует поведение людей, деятельность которых изменяет окружающий мир. Глубинная, опосредованная связь между словом и действительностью несомненна» [Васильев 2000:3].

Этот лингвокультурный феномен на материале языка советской эпохи был достаточно подробно рассмотрен Б. Ю. Норманом. Слова, в значении которых нет денотативного компонента, именуются «лексическими фантомами», и среди них наиболее опасными объявлены «идеологические фантомы», то есть «случаи, когда отрыв слова от денотата обусловлен идеологической деятельностью человека, разработкой той или иной социальной утопии, поддерживанием определенных социальных иллюзий»: *мир, равенство, братство, разоружение, диктатура пролетариата, социальная справедливость; слуги народа; развивающиеся страны, человеческий фактор; остров Свободы; Слава КПСС!; Народ и партия едины; Экономика должна быть экономной; Союз нерушимый республик свободных и т. д. и т. п.* [Норман 1994:53-56]. Добавим еще, что списки слов-фантомов можно пополнить, если вспомнить такие советские нововведения, как использование аббревиатур в качестве «самых неуязвимых для здравого смысла конструкторов» и «противоестественно слипшихся слов» (т. е. сложносокращенных) [Гусейнов 1989:66].

О. Трофимова. ЧАЕПИТИЕ

Лингвистическая характеристика основных черт советского политического дискурса наиболее сжато и емко сформулирована Е. А. Земской: «высокая степень клишированности, эвфемистичности, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса» [Земская 1996:23]. Названные свойства обусловлены следующими особенностями советской общественно-речевой практики. Во-первых, в устройство речевой жизни советского общества был положен принцип демократического централизма, что в филологическом аспекте выражалось в доминировании письменно-деловой речи над устно-ораторической (выступления сначала «утверждались», а затем читались «по бумажке», а нормирующим видом советской словесности был партийный документ). Во-вторых, наиболее влиятельная часть словесности — гомилетика — испытала экспансию пропаганды, вытеснившей церковную проповедь и подчинившей себе учебную речь. Поэтому вся система советской словесности (в том числе и художественная литература) приобрела пропагандистский характер.

Такое давление на общественное сознание почти неминуемо должно было вызвать противодействие стереотипам доминирующей идеологии. А. Вежбицка, исследовавшая эту проблему на материале польского языка, вводит понятие «языковой самообороны»; она «в тоталитарном или полутоталитарном государстве состоит в изобретении способов выражения (имеющих более или менее постоянную форму) для тех эмоций, отношений и идей, которые не могут открыто выражаться в условиях жесткого политического контроля жизни страны» [Вежбицка 1993:107].

В русском дискурсе лингвисты также обнаруживают явления антитоталитарного языка. М. Кронгауз, характеризуя языковую ситуацию советского времени, использует термин «диглоссия», что означает сосуществование двух форм одного языка, распределенных по разным сферам употребления: рядом с лингвополитическим монстром «новояза» бытовала обыденная живая речь [Кронгауз 1999:115]. В речах, газетах и на партсобраниях царил канцелярит, на кухнях и во дворах — разговорная речь, литературная или просторечная в зависимости от речевой ситуации и ее участников. Советский человек отличался тем, что умел вовремя переключать регистры, «двоемыслие» (по Оруэллу) порождало «двуязычие» и наоборот.

Важной составляющей живой речи «кухонь» являлись ирония и стеб как крайнее ее проявление. В основе стеба лежал феномен ерничества, присущий как инструмент языкового сопротивления всем тоталитарным обществам. Официальному языку противостояли жаргоны, в том числе молодежный сленг, который «весьма критически, иронически относится ко всему, что связано с давлением государственной машины» [Береговская 1996:38]. Так как языковое сопротивление в условиях тоталитаризма многопланово, то представляется логичным распространить это понятие и на уголовное аргю, основной функцией которого считают функцию мировоззренческую [Грачев 1995]. Языковой протест в еще большей степени проявлялся в жаргоне политзаключенных, политссыльных, содержащем как общетюремно-лагерные слова и выражения, в том числе и уголовные, так и специфические термины [Росси 1991]. К формам языкового протеста можно отнести жанры блатной песни [Купина 1998], бардовской, или самодеятельной, песни, а позднее и рок-песни. Небывалый расцвет переживал жанр анекдота.

Во времена перестройки, в конце 80-х — начале 90-х гг., началась либерализация всех сфер жизни, которая не могла не коснуться и языка. В противовес языковому единообразию и «пуританству» авторитарного режима появилась «болезнь» совсем другого рода, связанная с расширением границ литературного стан-

дарты, размытостью норм, жадным обновлением средств выражения. За короткий срок проведена широкая **десоветизация** лексики снятием с нее идеологической окраски, устранением самих слов-советизмов и т. д. Десоветизация выдвинула проблему массовой **перекодификации** тех пластов словаря (включая и словосочетания, называющие предмет, лицо и т. д.), которые касаются политической, социальной, административной и проч. сфер. Это легко проиллюстрировать сменой названий в структурах власти. Верховный совет стал устойчиво — а не только в качестве журналистской перифразы — именоваться *парламентом*, совет министров — *кабинетом министров*, его председатель — *премьер-министром* (или просто *премьером*), а его заместители — *вице-преьерами*. В городах появились *мэры, вице-мэры, префекты, субпрефекты*. Советы уступили место *администрациям*. Главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эксклюзивные интервью* своих шефов... Этот процесс можно было бы обозначить как **смену лексических парадигм**. В то же время оформилась тенденция к **новой идеологизации словаря** (ср. «борьбу словами», а нередко и «лексическими обоями» типа *демократы, реформаторы, радикалы, западники, прогрессисты — коммунисты, совки, сталинисты, патриоты, государственники, шовинисты* и т. п.).

Если исходить из того, что основное предназначение «новояза» состояло во внедрении и обслуживании коммунистической идеологии и советской государственно-политической системы через вербальное воздействие на общественное сознание, то современный официозный дискурс, очевидно, призван выполнять подобную функцию — конечно, уже в интересах другой системы. Для обоснования и беспрепятственного утверждения иных, чем прежде, форм собственности, социальных отношений и др. в речевой оборот вводится множество слов-фантомов, прозрачных, не связанных с реальной жизнью. Скажешь *эмбарго* вместо старого слова *блокада*, *электорат* вместо *избиратели*, *секвестр* вместо *сокращение*, *дефолт* вместо *неплатежи* — и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Обилие производственных и денежно-финансовых терминов приводит к непонятности языка: нововведения и затемненность смысла стали частью содержания новых слов. Снизилась позитивность речи, увеличилась ее **диффузность** (*первые признаки стабилизации, замедление темпов спада*).

Активно употребляются **эвфемизмы**. Так, затянувшаяся война в Чечне называется *антитеррористической операцией*, капитализм именуется *рыночной экономикой*, беженцы — это временно перемещенные лица. Возникла тенденция к наделению противоположными коннотациями одних и тех же слов типа *олигарх, магнат* — в целом позитивными со стороны официальных и большинства демократических СМИ и резко негативными со стороны большей части населения страны. Нужно также вспомнить и об усилении давнего процесса «сокращения русского языка», позволяющего «зашифровывать» действительность, скрывать ее, одновременно загружая память человека: *ЛДПР, МГТС, либроссы, СПС* и т. п.

Некоторые слова и выражения противоречат очевидности и здравому смыслу. Например, говорят «*однополярный мир*» (хотя полюса всегда два), «*мятежный парламент*» применительно к Верховному Совету РСФСР — высшему органу законодательной власти (октябрь 1993).

Помимо десоветизации и новой идеологизации словаря, революционная романтика преобразований породила стихийный, практически неуправляемый процесс по заполнению смысловых лакун, переименованию предметов и явлений, переосмыслению значений слов. Для обозначения новых явлений и понятий появилось огромное количество неологизмов. Этот процесс часто называют **варваризацией** языка [Елистратов 2002].

О. Трофимова. З САДУ

В периоды варваризации язык черпает новые средства, во-первых, из других языков (в наше время преимущественно из американского английского), а во-вторых, из сниженных источников. Происходит **легализация периферийных и маргинальных слоев лексики**: просторечных слов, диалектизмов, жаргонизмов. Получают распространение — прежде всего через СМИ — арготизмы, элементы блатного языка, нецензурная лексика.

Активизацию использования иноязычной лексики исследователи связывают с разрушением большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Устанавливаются деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм. Возросла необходимость в интенсивном общении с людьми, которые

пользуются другими языками. А это — важное условие не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще — созданным на базе английского языка) терминологическим системам в таких областях, например, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода, журналистика и другие. Так, в русской речи, сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами, появились термины, относящиеся к компьютерной технике (само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *сканер*, *принтер* и др.), названия видов спорта, новых или по-новому именуемых (*виндсерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др.).

Однако одной целесообразностью заимствования не объяснишь. Во многих областях, ориентированных на Америку, заимствования явно избыточны, поскольку в русском языке уже существуют соответствующие слова (иногда старые заимствования). Тем не менее, новые заимствования более престижны и вытесняют русские слова из обращения. Так, *бизнесмен* борется с *предпринимателем*, *модель* с *манекенщицей*, *презентация* с *представлением*, *визажист* с *парикмахером* и т. п. Появление такого рода заимствований иногда затрудняет общение. Объявление типа «*Требуется сейлзменеджер*» рассчитано исключительно на тех, кто понимает, а для остальных остается загадкой. Но издержки такого рода временны (только на период борьбы и становления новой терминологии) и особой угрозы

для языка в целом не несут. Едва ли мы становимся менее русскими, говоря *бухгалтер* (звучит-то как, если вдуматься!), а не *счетовод*. Да и чем уж нам так дорог *парикмахер* чтобы защищать его в нелегкой борьбе с *визажистом*?

Не нужно забывать, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет **самоочищаться**, избавляться от функционально излишнего, ненужного. Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. Кто сейчас знает слова *бондировать* (ругать, бранить), *проприетер* (собственник), *индижестия* (несварение желудка), *суспиция* (подозрение) и многие другие, которые употреблялись в русском языке XIX века? Вряд ли издавались указы, предписывавшие эти слова изгнать из русской речи, — они устарели, вытеснились сами собой как нечто ненужное.

Варваризация языка характеризуется также **перемещением лексических элементов из периферийных сфер языка в центр системы**. К таким элементам относятся разговорные и просторечные элементы, диалектизмы и жаргонизмы. Они объединяются по признаку сниженности в сравнении с нейтральным уровнем литературного языка. Все исследователи языка сходятся во мнении, что мы переживаем время резкой активизации просторечия, жаргона (арго, сленга). Жаргонизмы переполняют речь людей, СМИ, художественную литературу.

Причиной этого процесса можно считать исчезновение границ между разными формами языка и сферами их употребления. Если в советское время письменно-деловая форма речи явно доминировала над устно-ораторической, то сегодня преобладает, пожалуй, речь устная. Новые условия функционирования языка, появление большого количества неподготовленных устных публичных текстов создают впечатление тотального снижения уровня речевой культуры. Впрочем, некоторые лингвисты полагают, что «корявость» речи выявляет «заложенные в языке тенденции развития». В СМИ распространение прямого эфира вызвало проникновение диалекта и просторечия в транслируемую речь, повысился темп, появилась торопливость и увеличилось количество ошибок и оговорок. Уменьшилось время между событием и его интерпретацией, вследствие чего они стали более поверхностными. Все это дает повод говорить, что все мы как-то разом стали безграмотными.

В выступлениях большинства политиков и общественных деятелей нередко смешиваются стилистически разнородные элементы, присутствуют жаргонизмы (симптоматично в этой связи путинское «*мочить в сортире*»). М. Кронгауз характеризует это явление так: «В публичной речи, например, М. С. Горбачева или Б. Н. Ельцина причудливо сочетаются элементы литературного языка, просторечия и все еще не умершего новояза. Неверно, что они говорят безграмотнее Л. И. Брежнева, просто они говорят, а тот читал» [Кронгауз 1999:113]. То же самое можно сказать и вообще о современной публичной речи. На смену грамотному и перенасыщенному готовыми шаблонами новоязу пришла взрывоопасная смесь. Результат отчасти парадоксален: ошибок стало значительно больше, но говорить в целом стали интереснее и лучше.

Феномен конца XX—начала XXI вв. — **общий жаргон**. Что это такое? Термином «общий жаргон» называются жаргонизмы, используемые в средствах массовой информации и в речи образованных слоев населения. К числу наиболее частотных относятся такие слова, как *разборка*, *зачистка*, *тусовка*, *беспредел*, *крутой*, *ящик (телевизор)*, *продвинутый* и мн. др. Данные элементы широко употребительны и в языке газет, и в теле- и радиовещании, и в речи образованных слоев населения. В 90-е гг. их частотность резко возросла. Появление словаря общего жаргона [Ермакова 1999] свидетельствует о широкой распространенности этого явления.

Русская обиходно-разговорная речь явно перенасыщена элементами молодежного сленга, новорусского и блатного жаргонов вплоть до нецензурной брани. Ощущения тревоги и незащищенности, усталость от ожидания результатов реформ, бытующие в обществе, порождают активизацию маргинальных проявлений в речи. Ведь точность и выразительность маргинальных номинаций не только не уступает литературным, но и превосходит их. Отчасти это объясняется социально-психологическими причинами: человек, лишенный привычных условий существования, перманентно пребывает в стрессовом состоянии, а грубая экспрессия арго несколько компенсирует отрицательные эмоциональные эффекты.

Отдельно стоит сказать о функционировании русского языка в Интернете, где преобладают преимущественно его письменные формы. Однако это не привычные для нас различные виды письменной речи, не отредактированные и скорректированные, «выглаженные» тексты. Конечно, таковые тоже имеют место (сетевые версии книг, газет, журналов и разного рода документальных источников). Гораздо интереснее обстоит дело со спонтанными, неподготовленными письменными высказываниями в разнообразных чатах, на форумах и конференциях. «Возникла, по сути, новая форма языкового взаимодействия — письменная разговорная речь. Во многом она схожа со старейшим жанром переписки, практически исчезнувшим в последнее время, однако необходимо учитывать, что во времена культурного расцвета данного жанра (XVIII–XIX вв.) темп жизни был несоизмеримо медленнее. В условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи приближен к устной ее разновидности» [Трофимова 2002]. Особенно заметно существенное упрощение языка при общении в так называемом чате, где «как слышится, так и пишется» и преобладают разговорные и стилистически сниженные формы языка.

Язык — народное достояние, а не предмет национального чванства. Для его развития и совершенствования нужны усилия всех речедееателей: политиков, госслужащих, ученых, педагогов, журналистов. На вопрос: хорош ли русский сегодня? — ответить однозначно нельзя. С одной стороны, русский язык понес невосполнимые потери — сократилось число его носителей (огромное количество русскоговорящих людей живет за пределами России, они стали невольными эмигрантами, их дети уже не имеют возможности получить образование на родном языке и владеют им на бытовом уровне, а в странах ближнего и дальнего зарубежья наш язык изучает гораздо меньше людей, чем во времена «соцлагеря» и «мирного сосуществования»). А с другой — процессы, протекающие в языке, свидетельствуют о раскрепощенности его носителей, о появившейся возможности свободно выражать свои мысли и чувства.

Русский язык сейчас начинает входить в полосу стабильности. Варваризирующие элементы «выдавливаются» на периферию, в своего рода «лингвоандеграунд». Уже повсюду работает неофициальная лингвистическая цензура. Например, издания, где не приветствуется нецензурная лексика, составляют абсолютное большинство. Совершенно реальна перспектива организованной борьбы с иностранными заимствованиями (в этом отношении наиболее богат французский опыт). Разрабатывается новая документная система, возрождается гомилетика (прежде всего церковная проповедь). Речи в собраниях пока далеки от совершенства, но выступления нового поколения политиков внушают оптимизм.

ЛИТЕРАТУРА

- Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
Васильев Д. А. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.

- Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- Грачев М. А. Арго и менталитет русских деклассированных элементов // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
- Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11.
- Елистратов В. С. Варваризация языка, ее суть и закономерности // [http://www.gramota.ru/mag_author.html#В. С. Елистратов](http://www.gramota.ru/mag_author.html#В.С.Елистратов).
- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Земская Е. А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века // [http://www.gramota.ru/mag_author.html#Е. А. Земская](http://www.gramota.ru/mag_author.html#Е.А.Земская).
- Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
- Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием в России сегодня. М., 2001.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
- Кронгауз М. Критика языка // Логос. 1999. № 3 (13).
- Купина Н. А. Песня власти и блатная песня в контексте тоталитарной культуры // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.
- Норман Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура: Доклады. Киев, 1994.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. М., 1991.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. ст. М., 1995.
- Трофимова Г. Н. Мысль изреченная, или акт коммуникации // [http://www.gramota.ru/mag_author.html#Г. Н. Трофимова](http://www.gramota.ru/mag_author.html#Г.Н.Трофимова).
- Хан-Пира Э. И. Советский тоталитаризм и русский язык // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Минск, 1994. Ч. 1.
- Sériot P. Analyse du discours politique soviétique. (Cultures et Societes de l'Est. 2). P., 1985.

НИКОЛАЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ
ФРОЛОВ,

НАТАЛЬЯ
ЛЕОНИДОВНА
МОРГУН

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС — РАЗНОВИДНОСТЬ НАУЧНОГО (ХУДОЖЕСТВЕННОГО) ТЕКСТА ИЛИ МЕТАФОРА В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОЛОГИИ

Полемические заметки

В руках филологов-русистов Тюменского госуниверситета оказались в 2000 г. первый, а затем, в 2001 г., второй выпуски «Филологического дискурса» Вестника филологического факультета — с подзаголовками: «Филология как пространство встречи» (Вып. 1) и «Филологические прогулки по городу»